

Научная статья

УДК 882

DOI 10.25205/2713-3133-2026-3-97-107

Читатель-адресат как источник сюжетной модальности (семипалатинские письма Достоевского 1855–1856 годов)

Татьяна Ивановна Печерская

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

ptatiana9@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8829-823X>

Аннотация

На материале семипалатинских писем Ф. М. Достоевского 1855–1856 гг. рассматривается нарративная тактика рассказывания истории отношений с М. Д. Исаевой разным адресатам. Обосновывается идея о том, что в прямой зависимости от адресата выстраиваются разные сюжеты на основе одних и тех же событий. Анализируется основной состав описанных микроситуаций, в различной модальности изложенных в письмах Достоевского М. М. Достоевскому и А. Е. Врангелю: история знакомства с Исаевой и ее мужем, влюбленность Достоевского, смерть мужа и вдовство Исаевой, попытки провинциальных кумушек устроить новый брак, отношение Исаевой к Вергунову, учителю местной гимназии, ревность, «братская» помощь возлюбленной, предложение ей руки и сердца, попытки упрочить свое материальное и социальное положение для осуществления брака. На основе исследования установлено, что сюжетная вариативность истории, прослеженная в аспекте беллетризации реальной основы событий, позволяет увидеть, что писатель широко пользовался не только подходящим к случаю сюжетным репертуаром, но и отсылками к собственному раннему творчеству. Интерес представляют сюжетные ситуации, узнаваемые в его будущих произведениях («Дядюшкин сон», «Униженные и оскорбленные» и некоторые другие). Особое внимание уделяется особенности эпистолярного почерка Достоевского в нарративном и феноменологическом смысле. Описываются характерные особенности стиля пишущего в зависимости от адресата письма. Неоднократно выраженное недовольство собой при написании писем связывается в первую очередь с невозможностью передать на бумаге то, что хочется высказать и быть при этом правильно понятым. Потребность в спонтанном отклике и необходимость последовательно и линейно выстраивать текст рассматриваются как основа конфликта пишущего и адресата. Высказывание, направленное на нужное впечатление в модальном отношении, анализируется в прямой зависимости от цели письма и отношений с адресатом. Неустойчивый баланс достоверности события и его истолкования рассматривается как условие для создания беллетризованной реальности.

Ключевые слова

письма Достоевского, семипалатинская ссылка Достоевского, беллетризация документального текста, эпистолярные сюжеты

© Печерская Т. И., 2026

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2026. № 3. С. 97–107
Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2026, no. 3, pp. 97–107

Для цитирования

Печерская Т. И. Читатель-адресат как источник сюжетной модальности (семипалатинские письма Достоевского 1855–1856 годов) // Сюжетология и сюжетография. 2026. № 3. С. 97–107. DOI 10.25205/2713-3133-2026-3-97-107

Dostoevsky's Epistolary Plots: The Addressee as a Source of Plot Modality (Semipalatinsk Letters of 1855–1856)

Tatyana I. Pecherskaya

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

ptatiana9@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8829-823X>

Abstract

The article examines M. Dostoevsky's narrative strategies in his Semipalatinsk letters (1855–1856). It analyzes how he recounted the story of relationship with M. D. Isayeva differently when writing to various recipients.

The study demonstrates that Dostoevsky significantly transformed the narrative of these real events, altering the plot according to the specific addressee of each letter.

The analysis focuses on micro situations presented with varying "plot modality" (logical status of events in a plot, such as possibility, reality, necessity) in letters to M. M. Dostoevsky and A. E. Wrangel (Wrangel). These include: his initial meeting with Isayeva and her husband, Dostoevsky's developing feelings for Isayeva, the death of her husband and Isayeva's widowhood, the attempts of provincial gossips to arrange a new marriage, Isayeva's relationship with Vergunov, a local school teacher, Dostoevsky's jealousy and "brotherly" support for his beloved, a marriage proposal, and attempts to strengthen his material and social position for the marriage.

The variation of these accounts reveals that the writer fictionalized the real-life events, extensively using not only a set of appropriate literary plots but also the references to his own early work. Of particular interest are the plot situations recognizable in his future works such as *Uncle's Dream*, *The Insulted and the Humiliated*, and some others.

The article also pays special attention to the distinctive features of Dostoevsky's epistolary style in both narrative and phenomenological aspects. Characteristic of his writing is the dependence of his tone and content on the addressee. Dostoevsky's frequent dissatisfaction with his letters is largely attributed to his struggle to adequately convey his thoughts and ensure correct understanding. The inherent conflict between the desire for spontaneous expression and the need of structured, linear narration is explored as a source of tension in his correspondence.

Furthermore, the study analyzes how the modal nature of utterances, aimed at creating a desired impression, directly depends on the letter's purpose and the rapport with the recipient, shaping a fictionalized reality from his lived experiences.

Keywords

Dostoevsky's letters, Dostoevsky's exile to Semipalatinsk, fictionalization of documentary text, epistolary plots

For citation

Pecherskaya T. I. Dostoevsky's Epistolary Plots: The Addressee as a Source of Plot Modality (Semipalatinsk Letters of 1855–1856). *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya* [Plot Description and Analysis], 2026, no. 3, pp. 97–107. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2026-3-97-107

История взаимоотношений Ф. М. Достоевского с М. Д. Исаевой – от знакомства до венчания, изложенная самим писателем в семипалатинских письмах 1855–1856 гг., представляет не только биографический, но и собственно филологический интерес. В зависимости от адресата, той или иной фазы развития эпистолярного любовного сюжета, а также от цели, с которой Достоевский вновь и вновь описывает развитие своей истории, дает характеристики ее прямым и косвенным участникам, интерпретация происходящего неоднократно варьируется. В результате перед адресатами и нами как читателями разворачиваются сразу несколько сюжетов на основе одной и той же фабулы, сохраняющей связь с реальными событиями и действующими лицами. Задача исследования состоит в выявлении эпистолярной нарративной тактики, позволяющей пишущему, не выходя за рамки биографической достоверности, комбинировать стилевую модальность высказывания, что в конечном счете формирует широкий диапазон беллетризованных вариантов одного и того же события.

Биографическая канва отношений с Исаевой определяется важным событием в жизни Достоевского: в 1854 г. заканчивается срок каторги, и его переводят из Омска в Семипалатинск, где и определяют на солдатскую службу. Тогда же Достоевский знакомится с новоприбывшим бароном А. Е. Врангелем и через него входит в семипалатинское «общество», где и встречает Марию Дмитриевну Исаеву и ее мужа, чиновника таможенной службы. С этим кругом людей Достоевский будет наиболее тесно связан последующие годы. К этому времени А. И. Исаев, по всем характеристикам человек неуживчивый, сильно пьющий, остается без места и в мае 1855 г. переводится в Кузнецк, где через несколько месяцев умирает. Достоевский влюбляется в Марию Дмитриевну сразу и безоглядно, а после смерти мужа предлагает ей руку и сердце. В годовом промежутке между смертью мужа Исаевой и женитьбой жизнь Достоевского полна драматическими переживаниями: серьезные затруднения из-за отсутствия денег, положения, боязнь потерять возлюбленную из-за сватовства «кумушек» и «интриг» в Кузнецке, вдали от него, ревность, усиленная влюбленностью Исаевой в молодого человека, кузнецкого учителя Н. Б. Вергунова.

Интересующая нас переписка этого периода связана в основном с братом Михаилом и Врангелем, самым близким Достоевскому человеком, конфидентом в любовных переживаниях. Письма адресатам различаются во многих отношениях. С братом Достоевский не виделся более пяти лет, он пишет ему, чтобы рассказать о своей жизни за этот период и дать представление о текущей жизни в Семипалатинске. Врангель – непосредственный свидетель и участник ссыльной жизни. Время от времени он выезжает из Семипалатинска по делам службы, а письма восполняют пропущенные эпизоды, среди которых центральное место отводится перипетиям отношений с Исаевой.

В письмах обоим адресатам, а кроме того в единственном письме этого периода к старшей сестре, В. М. Карепиной, Достоевский по несколько раз в различных регистрах рассказывает важнейшие эпизоды, связанные с Исаевой: история знакомства с ее семьей; смерть мужа; вдовство и жизнь в Кузнецке, попытки «проклятых кумушек» сосватать женихов; новая влюбленность Исаевой и поездка Достоевского для выяснения отношений. Рассмотрим подробнее варианты изложения этих событий, образующие своего рода микросюжеты.

Историю знакомства с семейством Исаевых Достоевский воспроизводит несколько раз. На первый взгляд во всех случаях характеристики участников строятся по общей модели – знакомство с «благородным семейством» и вхождение в него на правах ближайшего друга. Однако нельзя не заметить, что сообразно впечатлению, которое надо вызвать у адресата и цели письма, то один, то другой эпизод истории выступает на первый план, в результате чего производится своеобразная смысловая переакцентировка. Достоевский посвящает брата в изменившиеся обстоятельства уже после смерти мужа Исаевой, когда решение о женитьбе и надежды на изменение своего положения совершенно укрепляются в нем. Цель письма – склонить брата к одобрению женитьбы и попросить денег, что прямо связано с принятым решением. Достоевский передает письмо с Врангелем, поскольку именно близкий человек должен рассказать подробнее о переменах, но все-таки он считает необходимым изложить свою версию отношений с посланным Богом семейством, отогревшим его после каторги. Отметим, историю, уже хорошо известную Врангелю. Нетрудно понять, что Достоевский тем самым создает версию, которую Врангель должен воспроизвести. Характеристика мужа Исаевой в письме брату двоятся: с одной стороны, «это натура сильно развитая, добрейшая» [Достоевский, 1975, с. 201]¹, человек благородный и образованный; с другой – «натура довольно беспорядочная, страстная, упрямая» (с. 201), человек опустившийся, не умеющий владеть собой, гордец, к тому же «по праву дружбы» Достоевскому нередко приходилось делать ему «наставления». Достоинства Марии Дмитриевны выдержаны в превосходной степени: «...хорошенькая, очень образованная, очень умная, добра, мила, грациозна, с превосходным, великодушным сердцем <...> с веселым и резвым характером» (с. 201). Последнее, вероятно, косвенно отчасти соответствует более резкой оценке Врангеля: «...натура страстная и экзальтированная» [Врангель, 1912, с. 38].

В характеристике семейства сестре остается только идеальная картина «благородного семейства». Муж Исаевой аттестуется исключительно как «умный, образованный, добрый» человек (с. 260), которого он «полюбил как родного» (с. 260) и относился к нему как к брату. В письме Михаилу дальнейшее описание мытарств вдовы, вынужденной жить без средств к существованию, усиливает тему необходимости высылки денег для помощи несчастной женщине: «Она осталась на чужой стороне, одна, измученная и истерзанная долгим горем, с семилетним ребенком, и без куса хлеба. Даже похоронить мужа было нечем» (с. 202). По другой версии и в контексте характеристики Исаевой как женщины из превосходной фамилии, благородного дворянского семейства та же история в письме сестре выглядит иначе. Он пишет об отце Исаевой как о человеке состоятельном, занимающем в Астрахани значительную должность в большом чине: «...она уже ни в чем не нуждалась с тех пор, как написала родным о том, что лишилась мужа» (с. 261). В характеристике Исаевой ее черты скомпонованы несколько иначе, добавлены новые, отсутствующие в письме брату: она религиозна, отличается кротким характером к тому же превосходная хозяйка.

В следующем письме брату о женитьбе как решенном деле, предвидя его неодобрение, Достоевский заново излагает историю знакомства и развитие отношений с Исаевой, но теперь уже в ином регистре. Словно забывая о своем письме

¹ Далее при ссылках на это издание в круглых скобках указываются страницы.

с подробным изложением хода дела, Достоевский все начинает с самого начала и заново сообщает о знакомстве с Марией Дмитриевной, при этом ее мужа он называет своим лучшим другом, ухаживавшим за ним лучше всякого брата. По новой версии, Достоевский скрывал свое чувство и решился сделать предложение только после производства в офицеры с намерением перейти в статскую службу, укрепив в ближайшем будущем материальное положение семьи литературным заработком. Переживаний по поводу женихов, Вергунова и прочих сложностей в этой версии нет и быть не может, поскольку в такой редакции речь идет уже не о драматической истории разлученных влюбленных, а об истории женитьбы. В этом случае в сюжете появляются откровенно вымышленные подробности насчет того, что в разлуке, уже после смерти мужа, они с Исаевой «обменялись клятвами и обетами» (с. 219), и она дала слово быть ему женой. Версия разлученных влюбленных никак не вяжется с другим описанием событий, окрашенных постоянной ревностью, неуверенностью в любви Исаевой, увлекшейся молодым учителем, что известно из других писем.

Сомнения в одобрении братом женитьбы возникали у Достоевского и раньше, о чем он пишет в письме Врангелю, который вновь должен был встретиться с ним и рассказать подробнее о происходящем в Семипалатинске. Предполагая, что Врангель передаст брату и содержание письма, Достоевский излагает мелодраматическую версию брака на тот случай, если брат подумает, что ему придется содержать его с женой: «Я буду есть один хлеб и погибнем, я и она, но не надобно мне от него денег, посланных с таким чувством. Не хочу подаяния!» (с. 216) <курсив Достоевского. – Т. П.>. Излишне говорить, что в такой редакции упоминания о ближайшем производстве в офицеры и литературном заработке отсутствуют. Что касается Марии Дмитриевны, то ее идеальный портрет, составленный Достоевским в сюжете о жизни «благородного семейства», поддерживается в следующей части сюжета о вдовстве исключительно за счет полного оправдания возлюбленной во всех, даже двусмысленных ситуациях. Вдовство продолжалось на протяжении года с небольшим, но вместило много событий, связанных с попытками «кумушек» устроить выгодный брак, с незамедлительным выбором женихов. В частности, Исаева просит Достоевского «как друга» посоветовать ей насчет брака с одним состоятельным, хотя и немолодым чиновником, которому уже успела дать слово. У Достоевского, тяжело переживающего все происходящее в Кузнецке («Я был поражен, как громом, я зашатался и упал в обморок и проплакал всю ночь», – пишет он Врангелю (с. 212)), возникают ассоциации то с «Женитьбой» Гоголя, то с вынужденным замужеством героини из «Бедных людей», вынужденной выйти за Быкова («напророчил же я себе» (с. 218))². Последнее замечание связано и с тем, что кузнецкая часть романа проходила по переписке, и с этой точки зрения Достоевский вполне естественно воспринимал себя в качестве Макара Деушкина, переходя в письмах из регистра в регистр – друг, брат, влюбленный. Общая канва такова: бедность дорогого существа, «проклятые» кумушки, женихи, теснимая обстоятельствами женщина, сплетни, ложная помощь лживо сочувствующих, братская бескорыстная помощь истинно любящего человека, т. е. его самого.

² О реминисценциях из «Бедных людей» в кузнецких письмах см.: [Трухан, 1999; 2021].

О событиях в Кузнецке Достоевский узнает из писем Исаевой и довольно подробно пересказывает их Врангелю. Поскольку ее письма не сохранились (были уничтожены А. Г. Достоевской), трудно судить о том, насколько мелодраматический стиль описания событий в письмах Достоевского принадлежит ему самому, насколько он воспроизводит стиль Исаевой. Во всяком случае манипуляция Достоевским очевидна: «...наконец, объяснила, что мысль о замужестве выдумана ею в намерении узнать и испытать мое сердце» (с. 231)). Она легко аннулирует предшествующие душераздирающие описания своих мучений в связи с вынужденным выбором женихов, необходимостью устраивать свою судьбу. Достоевский верит и не верит, баланс вымысла и правды постоянно под угрозой. Как и сюжет с «благородным семейством», сюжет сватовства двойится, модальность его интерпретации целиком зависит от целеполагания пишущего. Так, в письме Врангелю Достоевский усиливает впечатление об Исаевой как о жертве интриг, безвыходности ее положения в связи с необходимостью думать о судьбе сына. Главная цель письма состоит в намерении уговорить Врангеля написать ей письмо с поддержкой и при этом с максимальной деликатностью послать ей деньги, включив их в сумму своего долга. Тот же стиль описания страданий вдовы сохраняется и в письме брату. Меняется просьба – Достоевский просит похлопотать об устройстве сына Исаевой в Павловский корпус: «Когда умер муж, она, как мать, как заброшенная на край света, и наконец, как слабая женщина, пришла в страшное отчаяние о судьбе ребенка» (с. 221). Он аннулирует, не берет в расчет сведения о том, что отец Исаевой писал дочери о готовности не оставлять внука и желании устроить его в гимназию и университет, если она вернется домой в Астрахань. Достоевского пугает сама возможность отъезда, тогда как в Петербурге он надеется раньше или позже оказаться, да и сама просьба «впрок» – мальчику пока восемь лет. Стилистая окраска увещаний брата сгущается до патетической: «...когда-то твоего брата, который был в изгнании, в несчастье, брошенный на край света, оставленный всеми, отец и мать этого ребенка приняли у себя как брата родного, кормили, поили, ласкали и сделали его судьбу счастливее» (с. 221). Кроме того, задача Достоевского состоит и в том, чтобы Михаил написал ей письмо и тем самым заранее включил Исаеву в семейный круг забот. Он сам набрасывает брату текст письма, перелагая только что им написанное о семействе Исаевых: «Нет слов, чтобы изъяснить Вам всю благодарность за то, что Вы сделали бедному изгнаннику. Я его брат и потому могу это почувствовать» (с. 222), и далее в том же роде. Заметим попутно, что несколько позже Достоевскому пришлось извиняться перед братом за то, что на его письмо Исаева ничего не ответила, а сына решила отдать в Сибирский корпус.

Эгоцентричность Достоевского, проявленная в настойчивости выражения любовью просьбы, впечатляет: он стремится к абсолютному подчинению адресата. Подробно, расчетливо и рационально, параллельно выражению эмоциональной катастрофичности адресату диктуются все требуемые действия, причем пошагово. Каждый раз, умоляя и Врангеля или брата написать письма Исаевой, чтобы выразить ей свое уважение, заверить в готовности оказать поддержку, прислать деньги, он буквально вставляет в свое письмо полный текст того, что именно нужно написать. При этом комментарии несколько разнятся, хотя и одинаково лукавы: брату – «...напиши об этом получше», Врангелю ироничные – «Кажется, я учу тебя писать, извини».

Средством, способным многое поправить, всегда являются деньги. От них зависит, сможет ли Достоевский гарантировать материальное благополучие любимой женщины. Эмоциональный накал просьбы о присылке денег невероятно высок: заклинания, упреки, унижение, манипуляция родственными и дружескими чувствами. На первый взгляд здесь можно усмотреть противоречие или даже упрекнуть Достоевского в неискренности, даже в шантаже. Однако, как представляется, здесь дело в другом. По сути мощная рациональная манипулятивная стратегия работает на то, чтобы в первую очередь обеспечить самому себе уверенность в том, в чем он до последнего момента и сам уверен не был. Образуется цепочка подмен: деньги, перемена состояния как единственное условие успеха выглядят как заклинание собственного страха. Это легко обнаруживается в тот момент, когда осуществляется желаемое: помилование, офицерский чин, присылка денег, но в тот же момент рушится весь план женитьбы из-за возникшего романа Исаевой и Вергунова. Словом, Достоевский раз за разом делает попытки обуздать наконец, рационально просчитать или опередить непредсказуемую и неотвратимую катастрофу. (С этим отчасти сравнима теория выигрыша, разработанная Достоевским позже, во время страстного увлечения игрой. Как известно, логически безупречная теория не спасала от сокрушительных провалов.)

Сюжет о недостойном сопернике, вероятно, самый яркий по эмоциональной окрашенности. Влюбленность Исаевой в учителя уездной школы Н. Б. Вергунова, стала для Достоевского полной неожиданностью, но не заставила его отступить. В письме Врангелю после тайной двухдневной поездки в Кузнецк он подробно описывает драму, разыгравшуюся в их треугольнике. В итоге Достоевский возвращается с надеждой, что склонил Исаеву на свою сторону. Он описывает произошедшее с короткой дистанции, но все-таки с дистанции, идет «по пятам за собственной жизнью», как характеризует Л. Я. Гинзбург автора дневников, записок, писем [Гинзбург, 1989, с. 67], а потому успевает осмыслить общую картину со стороны, в том числе пытается увидеть себя как действующее лицо наравне с другими. В сюжете о недостойном сопернике («едва образованный юноша» 24-х лет, ничего в жизни не видевший и не испытывавший, не имеющий перспектив в жизни) возлюбленная («образованная, умница, видевшая свет, знающая людей, страдавшая, мучившаяся, ищущая счастья, самовольная, сильная» (с. 235)) испытывает обман чувств, заблуждается в своем намерении выйти за него замуж. Такова трактовка Достоевского, и в ее русле он строит тактику переубеждения, для чего пишет письмо Вергунову, потом им обоим, встречается то с ним одним, то с обоими сразу. Все сопровождается слезами, ссорами, бурными выяснениями отношений с Исаевой, примирением с соперником, для которого потом Достоевский будет хлопотать о лучшем месте в Томске. Достоевский адресует Врангелю серию риторических вопросов, судя по всему, прозвучавших и при свидании: «Как сойтись в жизни с такими разнохарактерностями, с разными взглядами на жизнь, с разными потребностями? И не оставит ли он ее впоследствии <...> Что с ней будет в бедности с кучей детей и приговоренною к Кузнецку?» (с. 235) – и далее в том же духе. Бедность и почему-то обязательно «куча детей» отсылают к готовым сюжетным клише. Достоевский нередко ими пользовался, обрисовывая адресату драматическое положение Исаевой. То же в письме Врангелю о смерти мужа: «Он умер твердо, благословляя жену и детей» (с. 90). У Исаевых был один сын Павел, что хорошо было известно и Достоевскому, и Врангелю, но «торжест-

венный» стиль, подобающий благообразной кончине, легко вызволял соответствующие готовые формулы.

Завершение сюжета о недостойном сопернике не ограничилось двумя днями поездки. Сюжет разворачивался довольно долго все по тому же излюбленному Исаевой принципу эмоциональных качелей. Достоевский «отчитывался» Врангелю в изнуряющих переменах: Исаева то писала о том, что она все-таки больше любит Вергунова, то снова писала – нет, все-таки больше Достоевского. Любовь-мука становится лейтмотивом всей жизни Достоевского, и в этом смысле фигура Исаевой, с нашей точки зрения, остается до конца нецененной в отношении прообразов женщин-мучительниц. А. П. Сусловой не вполне справедливо достались все лавры целиком. Исаева устойчиво указывается только в качестве прообраза Катерины Ивановны, как и ее муж – Мармеладова. К. В. Мочульский обращает внимание на тип героини «Униженных и оскорбленных»: «...экзальтированная мечтательница, соединившая свою жизнь с пьяницей-мужем». Исследователь особенно подробно касается изображения «трагедии ревности» в «Вечном муже», не только связывает автобиографические черты с горьким кузнецким опытом Достоевского, но и допускает его продолжение после отъезда из Сибири. В частности, с оговорками насчет ненадежности источника, он ссылается на мемуары Л. Ф. Достоевской, пишущей о том, что роман с Вергуновым, следовавшим за Достоевскими, продолжался и после замужества Исаевой [Мочульский, 1995, с. 297–298]. В «Словаре персонажей произведений Ф. М. Достоевского» Накамура Кэнноске упоминает о прототипической связи Исаевой с целым рядом персонажей, в том числе пишет о Зине из «Дядюшкиного сна», а также связывает ее с Настасьей Филипповной из «Идиота» [Накамура Кэнноске, 2011, с. 114, 224], что является скорее исключением из устоявшейся традиции.

Сложный и противоречивый склад характера Исаевой, ее неординарность и эксцентричность, действительно, делали любую версию связанных с ней событий вероятной. Именно вероятностность событий, те или иные грани переменчивой натуры составили широкий спектр «возможных сюжетов», реализованных Достоевским в письмах, а затем в творчестве. Мочульский в парадоксальной форме выразил сомнение насчет самого существования Исаевой: «Трудно поверить, что Мария Дмитриевна реально существовала, а не была придумана автором <...> ее истерическая чувствительность, любовь к двоим, взрывы ревности, драматические объяснения, роковые решения, мучения и мучительство – вполне в духе Достоевского». Другими словами, заключает исследователь, «“достоевщина” появилась раньше романов Достоевского» [Мочульский, 1995, с. 296]. «Достоевщина», безусловно, появилась раньше романов, но также очевидно из писем, что сочинялась она уже в семипалатинский период. Достоевский пишет А. Н. Майкову об огромном желании писать после выхода с каторги и о том, что осуществить желаемое оказалось невозможно в последующие два года. Он не раскрывает причину, косвенно намекает на любовь к женщине, называет произошедшее с ним «случаем», который «увлек и поглотил» его целиком (с. 269). В письме брату, ждущему обещанных новых произведений, Достоевский прямо объясняет невозможность писать поглощенностью отношениями с Исаевой: «...я был в такой тоске и муке, что решительно не мог заниматься порядочно» (с. 246). В определенном смысле рассмотренная вариативность и даже пестрота сюжетного оформления собственной жизни в письмах позволяют относиться

к ним как к части внутренней, в том числе литературной, работы. Прямо об этом свидетельствует своего рода беллетризация в широком диапазоне стилевых регистров – от сентименталистских и мелодраматичных, до патетических и снижающихся, переходящих на уровень натуральной школы. Беллетризованность ощущима в характере смены модальности, что позволяет создавать на основе одной фабулы несколько сюжетных проекций.

Особый интерес представляет динамическая составляющая многослойного повествования в рамках сквозного сюжета. Ни один компонент сюжета в нарративном смысле не оказывается закрепленным, любая его ячейка сохраняет подвижность. С одной стороны, двусмысленность положения в «благородном семействе»: как одинокий человек, как влюбленный мужчина – «Я был счастлив», с другой – братское сочувствие и сожаление по поводу пьянства Исаева и горестей Марии Дмитриевны. С одной стороны, братское отношение – опека, рассудительность, забота, деньги, с другой – мужская неуверенность в себе и возлюбленной, ревность, доводящая до бешенства. Самая успешная стратегия – братская забота: внутреннее согласие на брак с Вергуновым, хлопоты о его повышении по службе, но при этом рискованная, отчаянная поездка в Кузнецк: «Мне ли оставить ее или другому отдать. Ведь я на нее имею *права*, слышите, *права!*» (с. 213) <курсив Достоевского. – Т. II.>.

Перейдем к заключительным соображениям. Достоевский неоднократно признавался в неумении писать письма, сетовал на это и в семипалатинских. Недовольство собой связывается в первую очередь с невозможностью передать на бумаге то, что хочется высказать и быть при этом правильно понятым. Другими словами, коммуникативная направленность высказывания значит для Достоевского очень много. В нарративном смысле мы можем зафиксировать определенную повторяющуюся тактику эпистолярного высказывания, приводящую, как ему кажется, к коммуникативной неудаче. Речь идет о сведении разнотипных и даже разнонаправленных повествовательных тактик в пространстве одного текста, что порождает эффект неустойчивой, колеблющейся повествовательной самоидентификации и к тому же зачастую приводит к композиционной бесформенности текста. В художественном тексте прием, порождающий похожий эффект, выражается, в частности, с помощью передачи разной степени компетентности повествователю, героям, отчего образуется информационная «невнятица», кажущаяся неупорядоченность, обеспечивающие смысловую противоречивость. В эпистолярной, где повествование разворачивается из одной инициативной точки, проявляется своеобразное расщепление интенции пишущего, что затрудняет восприятие текста как единого цельного высказывания. Достоевский как эпистолярный рассказчик в этом смысле всегда ненадежен для адресата. Но в то же время нельзя не заметить, что именно подобные «погрешности» сообщают письму особые и вполне уловимые выразительные возможности, если следовать за саморазвитием текста поверх эксплицитно выраженного целеполагания письма, демонстративно навязываемого адресату. Сюжетная комбинаторика, беллетризация и переключение стилевой модальности в зависимости от цели высказывания, формирующие восприятие адресата, могут быть рассмотрены как маркеры личной авторской интенции высказывания, иначе сказать, являются лишь средствами ее выражения. И здесь согласимся с суждением Л. Я. Гинзбург, писавшей, что «са-

мое литературно оформленное переживание есть все-таки факт не литературы, а внутренней биографии» [Гинзбург, 1989, с. 51].

Список литературы

- Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири. 1854–1856 гг. СПб., 1912. 221 с.
- Гинзбург Л. Я. Человек за письменным столом. Л.: Сов. писатель, 1989. 605 с.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28, кн. 1: Письма. 1832–1859. 552 с.
- Мочульский К. В. Достоевский. Жизнь и творчество // Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995. С. 219–549.
- Накамура Кэнноске. Словарь персонажей произведений Ф. М. Достоевского / Пер. с яп. А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 2011. 399 с.
- Трухан Е. Д. Письма Достоевского 1855–1857 гг.: Текст и контекст // Достоевский и мировая культура: Альманах. М.: Раритет, 1999. № 12. С. 155–163.
- Трухан Е. Д. Роман «Бедные люди» в контексте писем Ф. М. Достоевского времен кузнецких событий // Филология и человек. 2021. № 3. С. 88–101.

References

- Dostoevsky F. M. Complete Works. In 30 vols. Leningrad, 1985, vol. 28, book 1, 552 p. (in Russ.)
- Ginzburg L. Ya. Chelovek za pis'mennym stolom [The Man at the Desk]. Leningrad, 1989, 605 p. (in Russ.)
- Mochulsky K. V. Dostoevsky. Zhizn' i tvorchestvo [Dostoevsky: His Life and Works]. In: Mochulsky K. V. Gogol'. Solov'ev. Dostoevsky [Gogol. Soloviev. Dostoevsky]. Moscow, Rspublika Publ., 1995, pp. 219–549. (in Russ.)
- Nakamura Kennoske. Slovar' personazhei proizvedenii F. M. Dostoevskogo [Dictionary of Characters in the Works of F. M. Dostoevsky]. St. Petersburg, Giperion Publ., 2011, 399 p. (in Russ.)
- Trukhan E. D. Pis'ma Dostoevskogo 1855–1857 gg.: Tekst i kontekst [Dostoevsky's Letters from 1855–1857: Text and Context]. In: Stepanyan K. A. (ed.). Dostoevsky i mirovaya kul'tura [Dostoevsky and World Culture]. Almanac. Moscow, Raritet Publ., 1999, no. 12, pp. 155–163. (in Russ.)
- Trukhan E. D. Roman “Bednyye lyudi” v kontekste pisem F. M. Dostoevskogo vremen kuznetskikh sobytii [The Novel “Poor Folk” in the Context of F. M. Dostoevsky's Letters of the Time of the Kuznetsk Events]. *Philology & Human*, 2021, no. 3, pp. 88–101. (in Russ.)
- Vrangel A. E. Vospominaniya o F. M. Dostoevskom v Sibiri. 1854–1856 gg. [Memoirs about F. M. Dostoevsky in Siberia, 1854–1856]. St. Petersburg, 1912, 221 p. (in Russ.)

Печерская Т. И. Читатель-адресат как источник сюжетной модальности

Информация об авторе

Татьяна Ивановна Печерская, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия)

Information about Author

Tatyana I. Pecherskaya, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Russian and Foreign Literature, Literary Theory and Methods of the Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 27.06.2026;
одобрена после рецензирования 20.07.2026; принята к публикации 20.07.2026
The article was submitted on 27.06.2026;
approved after reviewing on 20.07.2026; accepted for publication on 20.07.2026*